

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2025, Том 4, № 6 / 2025, Vol. 4, Iss. 6 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 811.161.1

Зооморфный код репрезентации образа мужчины в адыгской языковой картине мира

¹ Кодзокова З.В.,

¹ Институт гуманитарных исследований, филиал
Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук

Аннотация: изучение зооморфных образов в гендерном аспекте является перспективным направлением лингвокультурологии. Научная новизна исследования заключается в том, что анализ зоонимов кабардино-черкесского языка в данном контексте проводится впервые. Целью настоящей статьи являются выявление и анализ особенностей репрезентации концепта «мужчина» через зооморфный код. В связи с чем поставлены следующие задачи: выявить способы объективизации концептов маскулинности в зоонимах кабардино-черкесского языка; определить национально-культурные особенности кабардино-черкесских ФЕ с компонентом зоонимического кода. В статье проводится анализ кабардино-черкесских фразеологических паремиологических и лексических единиц с названиями животных, репрезентирующих образ адыгского мужчины. Изучение зоонимных фразеологизмов и паремий в контексте адыгской лингвокультуры позволяет объяснить специфику их функционирования.

Ключевые слова: адыгская языковая картина мира, кабардино-черкесский язык, зооморфный код

Для цитирования: Кодзокова З.В. Зооморфный код репрезентации образа мужчины в адыгской языковой картине мира // Филологический вестник. 2025. Том 4. № 6. С. 134 – 140.

Поступила в редакцию: 14 сентября 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 12 ноября 2025 г.; Принята к публикации: 24 декабря 2025 г.

Zoomorphic code of representation of the image of a man in the Adyghe linguistic worldview

¹ Kodzokova Z.V.,

¹ Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian
Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Abstract: the study of zoomorphic images in the gender aspect is a promising area of linguistic and cultural studies. The scientific novelty of the study lies in the fact that the analysis of zoonyms of the Kabardino-Circassian language in this context is carried out for the first time. The purpose of this article is to identify and analyze the features of the representation of the concept of "man" through a zoomorphic code. In this connection, the following tasks have been set: to identify ways to objectify concepts of masculinity in the zoonyms of the Kabardino-Circassian language; to identify the national and cultural features of Kabardino-Circassian FE with a component of the zoonymic code. The article analyzes Kabardino-Circassian phraseological, paremiological and lexical units with animal names representing the image of an Adyghe man. The study of zoonymic phraseological units and paroemias in the context of the Adyghe linguistic culture makes it possible to explain the specifics of their functioning.

Keywords: Adyghe linguistic worldview, the Kabardino-Circassian language, zoomorphic code

For citation: Kodzokova Z.V. Zoomorphic code of representation of the image of a man in the Adyghe linguistic worldview. Philological Bulletin. 2025. 4 (6). P. 134 – 140.

The article was submitted: September 14, 2025; Approved after reviewing: November 12, 2025; Accepted for publication: December 24, 2025.

Введение

Языковая картина мира в последние десятилетия прочно заняла свое место среди феноменов, которыми активно занимаются многие лингвисты. И это вполне оправданно, ибо сегодня достаточно очевидным представляется тот факт, что за знаками языка стоят наши знания о мире, которые в знаках языка и закрепляются [12, с. 123]. Социальные, исторические и культурные ценности, ментальные единицы человеческого сознания опосредуются в языке [4, с. 22].

Зооморфный код культуры представляет собой чрезвычайно интересный и самобытный языковой пласт, выявляет специфику мировосприятия носителей языка и культуры. Существование этих кодов является универсальным. Однако зооморфные коды, стремясь к сохранению универсальных черт, отличаются национальным своеобразием [5, с. 84]. Метафоры, и сравнительные обороты, характеризующие образ мужчины в адыгской лингвокультуре, часто образуются при функциональном участии фитонимов и зоонимов. Традиционное устойчивое сравнение или компаративные фразеологизмы включают образы реальной действительности. Устойчивое сравнение, в отличие от свободных компаративных структур, характеризуется постоянной связью составляющих с основной семантикой [7].

Материалы и методы исследований

В работе применяется комплекс методов исследования: для сбора языкового материала использовался метод сплошной выборки, контекстный и концептуальный анализ использовался для лингвокультурологической интерпретации языковых данных. Материалом исследования послужили произведения адыгских писателей:

Абитов В.К. [1], Аксиров З.З. [2], Каламбий [11], Каширгов Х.Х. [9], Кохова Ц.М. [10], Мафедзев С.Х. [14], Тхамокова Б. [19], Теунов Х.И. [18], Шекихачев Х.Т. [21,22], Шортанов [23], Эльгаров К.М. [24].

Были проанализированы данные следующих словарей и сборников:

Карданов Б.М. Кабардинско-русский фразеологический словарь. Нальчик: Эльбрус, 1968 [8];

Словарь кабардино-черкесского языка. М.: Дигора, 1999 [16].

Сто сказок / составитель Налоев З.М. Нальчик: Эльбрус, 1992, 400 с. [17].

Результаты и обсуждения

Важное место в познании человеком самого себя (своей сущности, внешности, поведения, образа

жизни) играет зоометафора. Посредством зоометафоры поведение, внешность, сущность домашних животных или диких зверей, птиц, насекомых проецируются на человека, приписывая ему те или иные зооморфные характеристики. Зоометафора представляет собой востребованный и широко используемый способ кодирования этнокультурной информации [15, с. 288]. Для адыгской лингвокультуры характерно определение возрастных особенностей человека через зооморфный код. К примеру: 1. *ИлъэсипцI ныбжъым щитым деж цыхур бзум хуэдэци зольатэ*. «В десять лет человек подобен птице и летает». 2. *Илъэс тцыкфухым нэсамэ, чыцI кьуейщIейм хуэдэци*. «В шестнадцать лет человек подобен игривому козленку». 3. *Илъэс тIоуцI ирикъуамэ, дыгъужь хуэдэ мэгуихуэ*. «В двадцать лет человек подобен бесстрашному волку». 4. *Илъэс плыщIым нэсамэ, аслъэн хуэдэу хахуэци*. «В сорок лет он храбрый, словно лев». 5. *Илъэс хыщI ирикъуар вы хуэдэ гуащIафIэци, и акъыл ирикъуащ*. «В шестьдесят лет выносливый, словно вол, и набрался опыта и мудрости». 6. *Илъэс тцIейм нэсмэ, пэщIащэ фIэкI ищIэжышхуэ цыIэкъым*. «В восемьдесят лет человек может только копошиться». 7. *Илъэсипцэ ирикъуар джэдыкIэ икIумпIым хуэдэци*. «В сто лет он подобен тухлому яйцу» [20, с. 28].

Лексема *хъэкIэкхъуэкIэ* в современном кабардино-черкесском языке употребляется в прямом и переносном значении. Так, указанная лексема служит собирательной номинацией хищных зверей. Кроме того, так говорят о жестоком и бесщедном человеке, данная лексема может иметь как мужскую, так и женскую референцию.

Для экспликации истошного крика в адыгской языковой картине мира часто используются сравнительные обороты с зоонимами. Компаративы *хъэкIэкхъуэкIэу гъуэхъуэн* «рычать зверем», *хъэрэ выщIэу гъуэхъуэн* «рычать словно молодой буйвол» может выступать репрезентантом гнева. К примеру: ... *Елыхъу и кьуэр хъэкIэкхъуэкIэу гъуахъуэу кьыщIлъэтащ, лъэкIамэ цырыцу бзыльхугъэр зэкъриудыну* [1, с. 252]. / Сын Елуха **вскочил, рыча зверем**, если мог бы, разорвал бы женщину в клочья». *Хъэрэ выщIэу гъуахъуэнуци, жылэри хъэблэри кьызэцIигъэлэмэ, кIэ щигъуэтыпэнур итIанэци, и макъым зригъэлэм хъукъым* [1, с. 254]. / «Он хотел зарычать, **словно молодой буйвол**, но, если сбегутся все жители села, ему будет вдвойне хуже, поэтому ему не желательно повышать голос».

Семантика бесстрашия и мужественности в адыгском языковом сознании передаются фразеологизмами *дыгъужьыгу ишхац (кӀуэцӀылыц)* «мужественный, отчаянный» [букв.: съел волчье сердце] [8, с. 87]. В зависимости от контекста может употребляться в иронической коннотации, приобретая при этом противоположную семантику трусости, нерешительности [8 с. 87]. Аналогичное значение имеет выражение *дыгъужьу зыкӀэтын* «подняться, бесстрашно пойти на врага». *Мэжид зэрыхӀуэдар гуӀыхьэ зыцыхьуа ди зауӀлхэм дыгъужьу зыкӀэтыри бийр ицхьэцахуац* [10 с. 296]. / «Наши воины, расстроенные гибелью Мажида, разом, словно волки, прогнали врага».

Часто в адыгском языковом сознании образ мудрого, опытного, возрастного мужчины, сумевшего нажить неплохое имущество, с хорошими и воспитанными детьми, транслируется посредством сравнения со старым волком, репрезентирующимся в языке выражением *куэд зылъэгъуа дыгъужьыжь* «опытный, бывалый» (букв.: много повидавший старый волк). К примеру: *Исмел куэд зылъэгъуа «дыгъужьыжьт», хуэцӀауэ псэу унагъуэм я тхьэмәдәт, и кӀуиплӀ лэжъакӀуэ хьуакӀәт, езым ицӀэишуэ цыӀәжтэкъым — и ныбжъ нэсати, и унэ итӀысхьәжәт* [11 с. 120]. / «Исмель был опытным мужчиной (букв.: много повидавшим старым волком), он был главой зажиточного семейства, его четыре сына, уже сами работали, а сам Исмель, в силу возраста, особых обязанностей уже не имел и сидел дома».

В адыгской языковой картине мира обнаруживаются примеры, говорящие о том, что с волком сравнивается мужчина, чрезмерно увлеченный женщинами: *ХуумыгъэфӀцӀәну ныбжъыфӀ илӀ пӀтми, дыгъужьыжъ цыӀнӀл ихын цинӀәжрӀ, жыхуалӀэм хуэдәти, цӀыхубз дахӀкӀә, бзылхугъэ цӀалӀкӀә ерыц бзадӀжӀт* [24 с. 334]. / «Он был уже достаточно возрастным, несмотря на свою молодость, но, как говорят, старый волк не перестает есть мясо молодого ягненка, он тоже был падок на молодых красивых девушек». ... *лъагъуныгъэкӀә кӀыспӀмӀдӀжӀәжу зы цӀыхубз цылажъэркъым си деж», — и напӀә мыхуадӀу зыкӀуымысӀжырт дыгъужьыжъым* [24, с. 335]. / «... Я нравлюсь всем молодым девушкам (букв.: все мои молодые коллеги (девушки) отвечают мне взаимностью) — без зазрения совести хвастался старый волк».

Отрицательные характеристики, связанные с волком, метафорически переносятся на человека [3, с. 29]. Через образ волка в адыгской лингвокультуре транслируется семантика злости и агрессии человека, чаще всего мужчины. К примеру: *дыгъужьым хуэдӀу псоми яжъэхолъэ «как волк кидается на всех». ФуӀәд губжъацӀи зытеуӀэ цӀыр*

ильагъужьыркъым, дыгъужьым хуэдӀу псоми яжъэхолъэ, тхьэмахуэм зӀ и жьакӀәр цупсыркъым, мӀзылӀым хуэдӀу зӀцӀәкӀәжауэ кӀекӀухь [21, с. 170]. / «Фуад настолько разозлился, что не видит землю под ногами, словно волк кидается на всех, даже раз в неделю не бреется и ходит заросшим как леший».

Сравнение человека с дикими животными, например, с голодным волком *дыгъужь нӀцӀам хуэдӀу*, демонстрирует неприличное, непристойное поведение, противоречащее стереотипам обыденного сознания, сложившимся в адыгском языковом коллективе [6, с. 1117]. Семантика ненасытности, передающаяся через зооним *дыгъужь* «волк» в адыгской языковой картине мира, может относиться и к мужскому, и к женскому образу. К примеру: *Дыгъужьырышхэ «жадный, ненасытный»* [16, с. 129]. Тождественная семантика и у компаратива *дыгъужь нӀцӀам хуэдӀу* «словно изголодавшийся волк». *УнӀм сыцӀыхьӀмӀ, дыгъужь нӀцӀам хуэдӀу ихӀуэ цыст ХьӀзрӀлӀ* [9, с. 236]. / «Зайдя в дом, я увидел, что Хазраил жадно ел (букв.: ел как голодный волк)».

В некоторых случаях бесстрашного мужчину, предпочитающего одиночество, носители адыгского менталитета сравнивают с волком. К примеру: *ДӀгужь зӀи гъусӀ ицӀыртэкъым, дыгъужьым хуэдӀу и закӀууэ кӀикӀухьырт* [22, с. 10]. / «Дагуж никогда не имел спутников, он всегда ходил один как волк».

Образ сильного, бесстрашного адыгского мужчины актуализируется через анималистические образы льва (*аслъӀн*), тигра (*кӀаплӀӀн*).

К примеру:

АслъӀным хуэдӀу «словно лев» ... зӀкӀуэишӀбл псӀурт, жӀӀә. АхьыргӀманхӀуэ, уӀ йукӀи мыр гъӀуӀ, жыхуалӀэм хуэдӀт дӀтхӀнӀ зыри. Абы яхузӀфӀмыкӀрӀ зырамыкурӀ цымыӀуэ дыгъужьыгур яшхат, аслъӀным хуэдӀхӀт дӀтхӀнӀ зыри [14, с. 304]. / «... жили были семь братьев. Они были великолепны. Они были бесстрашными, словно съели сердце волка, каждый из них был, словно лев».

Семантика мощного и быстрого рывка мужчины (для оказания помощи кому-л., защиты кого-л. или самозащиты) в адыгской языковой картине мира передается выражениями *аслъӀну ильӀын (лъӀн) = аслъӀным хуэдӀу ильӀын (лъӀн)* «прыгнуть, словно лев». *Мурат аслъӀну лъӀри Шашенков и лӀ кӀуӀэгъу кӀыхьитӀыр кӀуыбыдац* [18, с. 181]. / «Мурат, словно лев, прыгнул в сторону Шашенкова и схватил его за худощавые руки».

КӀаплӀӀным хуэдӀу ильӀын «прыгнуть словно тигр». *ЗӀчрей кӀӀӀәлауӀ, кӀаплӀӀным хуэдӀу*

ильри, Айгюль дежкІэ пхъуащ [23, с. 671]. / «Словно тигр, Закрей прыгнул в сторону Айгюль».

В адыгской языковой картине мира частотны компаративы с зоонимами, характеризующими образ мужчины, с общей семантикой готовности к рывку, атаке, самозащите. Такие сравнительные обороты содержат в своем составе причастную форму *зызыгъэхъэзыра* «приготовившийся». К примеру:

• *уэну зызыгъэхъэзыра къашыргъэм ецхъу* «словно ястреб, подготовившийся к удару».

Хъалиди, зызыцІуубыдэжри, уэну зызыгъэхъэзыра къашыргъэм ецхъу, дей къудам-эм зыцигъэбыдащ [19, с. 200]. / «Халид взял себя в руки, словно ястреб, подготовившийся к удару, спрятался за веткой орешника»;

• *пыджэну зызыгъэхъэзыра гууэ (гуужьбу)* «словно бык, подготовившийся бодаться».

Пыджэну зызыгъэхъэзыра гуужьбу, Тыгъуэн и цхъэ фІэхуар къІэтыжурэ лъыр зыцІэз и нэр Мурат триубыдэри бууащ: – Ылы-тІэ, тІалэ... сыт иджы жыпІэнур? [18, с. 354] / «Туган, словно бык, подготовившийся бодаться, поднял свою голову и посмотрев на Мурата полными гневом глазами, пробурчал: – что, малый, что теперь скажешь?».

Языковые единицы и сравнения с зоонимом *мыцэ* «медведь» в адыгской языковой картине мира передают различные характеристики образа мужчины. Так, семантика мужской походки, широкого шага передается выражением *Мыцэжъ кІуэкІэ* «с походкой медведя». *Мыцэжъ кІуэкІэу быхъуу, лъэцу ар къэкІуэжырт, дамэм телъ джэдыгу пІаргъыр зыцыгъ лы къуэгъу цыкІур лъакъуэкІэ зэрызэпхыур зыхимыцІэу* [18, с. 400]. / «С походкой медведя, широкими шагами он возвращался, никаким образом не замечая удары ногой лежащего у него на плечах худошавого мужчины». Языковой материал кабардино-черкесского языка показывает, что зооморфные компаративы с компонентом *мыцэ* «медведь» часто транслируют семантику тучности и лохматости мужского образа. *И нэмысрэ и хъэл-цэнкІэ цыпкэ хуэдэщ, Мыцэм хуэдэ лы бэлацэщ* [2, с. 422]. / «Честь и характер у него без изъянов и лохматый, словно медведь».

Весьма негативную окраску в адыгской языковой картине мира имеют компаративы и фразеологические единицы с составным компонентом-зоонимом *кхъуэ* «свинья». Языковой материал кабардино-черкесского языка свидетельствует о том, что такие языковые единицы могут характеризовать чрезмерно пьяного мужчину. К примеру: *кхъуэм хуэдэу егъэфэн* «сильно напоить» (букв.: напоить, как свинью). *Мор (Гурина) зыхуеиххэра-*

ти, цІалэжъыр, кхъуэм хуэдэу, ирегъафэри егъэукІурий, езым письмор къыкІэцІедыгъукІ аби, нэгъуэцІ кІэцІедзэ... [17, с. 126]. / Она (Гурина) получила желаемое, она напоила (букв.: напоила как свинью) парнягу и уложила, сама же выкрала у него письмо и подложила ему другое»; *кхъуэм хуэдэу ефэн* «сильно напиться» (букв.: напиться, как свинья). *Кхъуэм хуэдэу уефа сфІоуцІ? – жьэхидзащ абы Бюзрыкъу* [23, с. 393]. / «Мне кажется ты сильно напился (букв.: напился, как свинья), – резко сказал Бюзрюк».

В адыгской культуре наглядным маркером мужского возраста является борода, а ее форма, длина и другие характеристики. Негативную семантику в адыгской языковой картине мира имеет и выражение *кхъуэ жьакІэ* «бранное выражение в адрес стариков» (букв.: свиная борода) [16, с. 480]. *Сыт бийм къызэрыкІэрыхур а сэ нобэ слъэгъуа кхъуэ жьакІэжъыр?* [10, с. 321]. / «Чем этот со свиной бородой, которого я сегодня видела, отличается от врага».

Орнитологические образы петуха (адакъэ), фазана (*мэз адакъэ*) и индюка (*гуэгушыхъу*) в адыгской лингвокультуре имеют неоднозначную трактовку. Через образ фазана (*мэз адакъэ*) транслируется неуместная для маскулинного образа пестрость в одежде. К примеру: *Сытми, мэз адакъэм хуэдэу, къуэлэнцІэлэни, езыр, зи цыпэшэс цІалэщ жыпІэну, шым къецІыкІуэкІу, трапха цІыкІэу, тегъэпцІауэ тесц* [9, с. 99]. / «Таким образом, он (всадник), словно фазан в пестрой одежде, глядя на него можно подумать, что это молодой парень, который впервые сидит в седле, кажется, что он маловат для седла, его словно приклеили или привязали к седлу».

Зоонимы *гуэгушыхъу* «индюк» и *адакъэ* «петух» при характеристике мужского образа весьма часто приобретают общую семантику неуместной манерности, выпячивания, а иногда и агрессии. Так, в словарном фонде кабардино-черкесского языка функционирует глагол *зыгъэадэкъэхун* = *зыгъэадэкъэн* «важничать, кичиться» (букв.: петушиться) [16, с. 277]. *Шэхъбан псалъэу зэрыцІидзэу, Къэбардыр бгъэдыхъащ зигъэадакъэу утыкум ит Къаздэхъум* [18, с. 280]. / Как только Шахбан заговорил, Кабардов подошел к Каздохову, который важничал перед публикой».

Гуэгушыхъу гъэшха хуэдэу «словно откормленный индюк». *ЗыкъыфІэцІыжарэ и пацІэ кІыхъыжытІыр нрилъэцІэкІу, гуэгушыхъу гъэшха хуэдэу и бгъэр къригъэкІу къыцІуыкІэ, емыкІу умыцІу хъунт.* [18, с. 481]. / «Как можно было не осуждать зазнавшегося (человека), с важным видом поправляющего себе длинные усы, и,

словно откормленный индюк, выпячивающего грудь на публику».

Гузгушыхъум ецхъу къэутIэрэзын «словно напыщенный индюк» ... *абы и нэгум къыцIыхъэжат нобэ Щэныбэр гузгушыхъум ецхъу къэутIэрэзауэ бюром къызэрыцIытекIуар...* [9, с. 19]. / «... он вспомнил, как Шанибов, словно напыщенный индюк, накричал на него».

Гузгушыхъуу къытехъэн «надуться, словно индюк». «*Ельыхъу и къуэр гузгушыхъуу къытехъати, наптехыгъэ гуэр Iуэхум и кIэм къызэрикIынуур къыгурыIуац Салимэ* [1, с. 200]. / «Судя по тому, что сын Елуха надулся, словно индюк, Салима поняла, что в конце будет какой-то позор».

Образ замерзшего индюка в адыгской языковой картине мира может транслировать бессилие, беспомощность, трусость. Ср. на примере: *А тIум (Щэрданымрэ Аралпымрэ) япэмыжыжъэу гузгушыхъу пIыцIам ецхъу зызэфIыгъэцIыхъауэ, цытIт Гьумари.* / Недалеко от них (Шарданова и Аральпова), как замерзший индюк, стоял Гумар [6, с. 1117].

Образы паука и удода в адыгском языковом сознании часто используются для описания особенностей внешности мужчины. К примеру:

бэдэж лъакъуэм ецхъу набдзэц пIийхэр «брови, торчащие словно ножки паука».

Сигу Iей зэрымилъыр, джэдкъурту жылэм сызэрыфIхъэцIытар фIагъупхъэт. Ауэ иджы дэ дызытепсэлъыхъыр аракъым, нэгъуэцIу, – жиIэри, бэдэж лъакъуэм ецхъу набдзэц пIийхэр къызыхэпIуикI набдзэ кIырыр аргуэру дригъэпIеяц (Тыгъуэн) [18, с. 438]. / «Вы могли бы и увидеть, что я зла аулу не желаю и опекаю вас, словно курица-наседка. Но сейчас мы говорим о другом, – сказал (Туган) и повел своими бровями, торчащими словно ножки паука».

бэдэж лъакъуэм ецхъу набдзэц зырызхэр «единичные брови, словно ножки паука».

Ар лIы фIыцIэ накъэпакъэт. И набдзэр кIыхът, Iувт, бэдэж лъакъуэм ецхъу набдзэц зырызхэр къыхэпIуикIыу [18, с. 34]. / «Он был широколицым смуглым мужчиной. Брови у него были гу-

стые и длинные, с которых торчали единичные волосинки, словно ножки паука».

Хьэрхъун жьакIэ «борода удода». *НыбжъкIэ илгъэс хьыцIым Тыгъуэн нэблэгъа пэтми, хьэлэмэту Iэчлэгъат, цIалэгъэцIэ хуэдэу и Iэпкълэгъэкъыр жант, лантIэт, дзэ хужьыпс зыIус и жьэ къутицхъымIыр лъэцт, хьэрхъун жьакIэмрэ пацIэ кIэцIымрэ бжъыфIафэ трагъауэ* [18, с. 15]. / «Хотя Тугану было уже около шестидесяти, он был удивительно крепок, шустр и гибок, словно молодой парень, а челюсть с совершенно белыми зубами была мощной, коротко подстриженные усы и борода как у удода придавали ему статности».

Выводы

Анализ языкового материала позволил сделать следующие выводы:

Изучение зооморфного кода культуры, отражающего представление человека о животном мире, имеет важное значение для исследования и систематизации особенности языковой картина мира. Языковой материал кабардино-черкесского языка свидетельствует о том, что образ мужчины может характеризоваться через значительный круг языковых средств, включающих в себя зоонимы.

Собирательной лексемой хьэкIэкхъуэкIэ носитель адыгского языкового сознания может характеризовать жестокого и бессердечного человека.

В адыгском языковом сознании один и тот же зооним может употребляться как в положительном, в нейтральном, так и в отрицательном значении.

В адыгской языковой картине мира посредством сравнительных оборотов с зоонимами может передаваться чрезмерная увлеченность мужчины женским полом: увлеченный женщинами.

Важными характеристиками мужского образа в адыгской языковой картине мира являются быстрота и мощь, которые часто передаются через анималистические образы.

В заключение отметим, что фразеологические единицы и сравнительные обороты, включающие в свой состав зоонимы являются неотъемлемой частью лексико-фразеологической базы, так как они отражают национальную специфику языка.

Список источников

1. Абитов В.К. Несостоявшаяся свадьба. Роман.
2. Аксиров З.З. Роман. Нальчик: Эльбрус, 1991. 208 с.
3. Богданова Л.И. Человек в зеркале зооморфной метафоры // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 26. № 2. С. 24 – 40.
4. Герасименко И.Е. Языковая репрезентация концепта ‘МУЖЧИНА’ средствами биоморфного кода // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № № 3 (016). С. 22 – 26.
5. Гукетлова Ф.Н., Шериева Н.Г. Оценочная функция зооморфных образов в разноструктурных языках // Вестник КБИГИ (KBIHR Bulletin). 2018. 1 (36). С. 82 – 86.

6. Дзуганова Р.Х., Битокова С.Х., Ошроева К.В. Компаративные фразеологические единицы с отрицательным оценочным характером в кабардино-черкесском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. Вып. 4. С. 1115 – 1119.
7. Дзуганова Р.Х., Ошроева К.В. Компаративные фразеологизмы в художественной литературе (на материале кабардино-черкесского языка) // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=19174> (дата обращения: 01.12.2024)
8. Карданов Б.М. Кабардинско-русский фразеологический словарь. Нальчик: Эльбрус, 1968
9. Каширгов Х.Х. Жизнь прожить – не поле перейти. Роман. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2014. 584 с.
10. Кохова Ц.М. Фатимат. Роман. Карачаево-черкесское книжное издательство. 1993. 368 с.
11. Кешев Адыль-Гирей. Каламбий. Записки черкеса. 1978.
12. Красных В.В. Грамматика лингвокультуры, или что держит языковую картину мира? // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1. С. 122 – 130.
13. Красных В.В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация. Москва: Издательство: ООО "МАКС Пресс", 2001. Том Вып. 19. С. 5 – 19.
14. Мафедзев С.Х. Избранные произведения: в 2-х т. Т. 1. Повести. Нальчик: 248 с.
15. Рамазанова М.М. Зооморфный код культуры в картине мира лакского и немецкого языков // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 1 (92). С. 288 – 289.
16. Словарь кабардино-черкесского языка. М.: Дигора, 1999.
17. Сто сказок / Сост.: З.М. Налоев Нальчик: Эльбрус, 1992. 400 с.
18. Теунов Х.И. Избранные произведения в двух томах. Нальчик: Эльбрус, 1980. Т. 2. 568 с.
19. Тхамоков Б. Рассказы. Пьесы. Стихи. Нальчик: Эльбрус, 2000. 240 с.
20. Хежева М.Р. Семантика и символика чисел в кабардино-черкесском языке. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2017. 136 с.
21. Шекихачев Х.Т. Я вернулся: юморески, рассказы, очерки. Нальчик: Эльбрус, 2000. 272 с.
22. Шекихачев Х.Т. Месть. Роман. Повесть. Рассказы. Нальчик. 1992.
23. Шортанов А.Т. Горцы. Нальчик: Эльбрус, 2016. 1224 с.
24. Эльгаров К.М. Язык любви. Повесть. Рассказы. Нальчик: Эльбрус, 1999. 424 с.

References

1. Abitov V.K. The Failed Wedding. A Novel.
2. Aksirov Z.Z. A Novel. Nalchik: Elbrus, 1991. 208 p.
3. Bogdanova L.I. Man in the Mirror of a Zoomorphic Metaphor. Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication. 2023. Vol. 26. No. 2. P. 24 – 40.
4. Gerasimenko I.E. Linguistic Representation of the Concept ‘MAN’ by Means of a Biomorph Code. Issues of Cognitive Linguistics. 2008. No. 3 (016). P. 22 – 26.
5. Guketlova F.N., Sherieva N.G. Evaluative function of zoomorphic images in languages with different structures. KBIHR Bulletin. 2018. 1 (36). P. 82 – 86.
6. Dzuganova R.Kh., Bitokova S.Kh., Oshroeva K.V. Comparative phraseological units with a negative evaluative character in the Kabardino-Circassian language. Philological sciences. Theoretical and practical issues. 2021. Vol. 14. Issue 4. P. 1115 – 1119.
7. Dzuganova R.Kh., Oshroeva K.V. Comparative phraseologisms in fiction (based on the Kabardino-Circassian language). Modern problems of science and education. 2015. No. 1-1. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=19174> (date of access: 01.12.2024)
8. Kardanov B.M. Kabardian-Russian Phraseological Dictionary. Nalchik: Elbrus, 1968
9. Kashirgov H.Kh. Life is not a walk in the park. A novel. Nalchik: M. and V. Kotlyarov Publishing House (ООО Полиграфсервис и Т), 2014. 584 p.
10. Kokhova Ts.M. Fatimat. A novel. Karachay-Cherkess Book Publishing House. 1993. 368 p.
11. Keshev Adyl-Girey. Kalambiy. Notes of a Circassian. 1978.
12. Krasnykh V.V. The Grammar of Linguistic Culture, or What Underpins the Linguistic Worldview? Ecology of Language and Communicative Practice. 2013. No. 1. P. 122 – 130.
13. Krasnykh V.V. Codes and Standards of Culture (Invitation to Conversation). Language, Consciousness, Communication. Moscow: Publisher: ООО "MAX Press", 2001. Vol. Issue 19. P. 5 – 19.
14. Mafedzev S.Kh. Selected Works. In two volumes. Volume 1. Stories. Nalchik: 248 p.

15. Ramazanova M.M. Zoomorphic Code of Culture in the Worldview of the Lak and German Languages. *The World of Science, Culture, Education*. 2022. No. 1 (92). P. 288 – 289.
16. Dictionary of the Kabardino-Circassian Language. Moscow: Digora, 1999.
17. One Hundred Fairy Tales. Comp.: Z. M. Naloev Nalchik: Elbrus, 1992. 400 p.
18. Teunov H.I. Selected Works in Two Volumes. Nalchik: Elbrus, 1980. Vol. 2. 568 p.
19. Tkhamokov B. Stories. Plays. Poems. Nalchik: Elbrus, 2000. 240 p.
20. Khezeva M.R. Semantics and Symbolism of Numbers in the Kabardino-Circassian Language. Nalchik: Publishing Department of KBIGI, 2017. 136 p.
21. Shekihachev H.T. I'm Back: Humorous Stories, Short Stories, Essays. Nalchik: Elbrus, 2000. 272 p.
22. Shekihachev Kh.T. Revenge. Novel. Novel. Stories. Nalchik. 1992.
23. Shortanov A.T. Highlanders. Nalchik: Elbrus, 2016. 1224 p.
24. Elgarov K.M. Language of Love. Novel. Stories. Nalchik: Elbrus, 1999. 424 p.

Информация об авторе

Кодзокова З.В., кандидат филологических наук, научный сотрудник Сектора кабардино-черкесского языка, Author ID: 751270, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8873-0478>, Институт гуманитарных исследований, филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, zara7belle@mail.ru

© Кодзокова З.В., 2025